и достоинство и была в своей глубине, подобно «Тихому Дону», устремлена к человеку и человечности.

Наше историческое предчувствие русского возрождения III-го тысячелетия питается сознанием вековой причастности к мировоззренческим и культурным ценностям народов России.

---

1. См.: Гуревич А.Я. Двоякая ответственность историка // Проблемы исторического познания. М., 1999. С. 18-19.

Соколова Е.С.
(Екатеринбург)

Сословная парадигма Российской истории: взгляд из зарубежья

Ускользающий образ прошлого, собранный из «осколков» разбитого зеркала истории, уже не одно десятилетие играет роль путеводной звезды в мире научного творчества для значительной части гуманитариев. Тенденция к выявлению антропологического контекста, в рамках которого создавался любой исторический источник, неизбежно выдвигает на повестку дня вопрос о степени методологической допустимости обобщающих теоретических конструкций структурно-функционального типа. Тяга позитивизма к моделированию априорных концептов системного характера в целях определения типологии того или иного социального явления, вызывает достаточно резкий протест со стороны той части ученого сообщества, которая стремится к отказу от схематизации социокультурных процессов, тщательно избегая увлечения дефениционными любого рода.

Относительная справедливость обозначенного подхода к интерпретации прошлого не вызывает сомнений. Научные сенсации, вызванные постмодернистским релятивизмом, уже имеют солидную временную традицию, насчитывая несколько десятков лет. Как в зарубежной, так и в отечественной историографии, тезис о том, что прошлое создается усилиями самих интеллектуалов, уже утратил свой эпатажный стиль на фоне отказа от восприятия исторической науки в качестве заброшенного музея древностей, покрытого паутиной времени.

Глобализация исторического мышления неминуемо отступает сегодня перед стремлением историка посмотреть в глаза человеку прошлого. Характерной чертой современного исследователя является боязнь исказить объект изучения за счет небрежной экстраполяции современных культурных кодов на ментальную картину прошлого. Тем не менее, мало кто из ученых наивно стремится ограничить исследовательское пространство задачей воссоздания имплицитной модели исторического сознания, заранее взвалив на себя тяжесть протеста против любых универсальных категорий, моделирующих образ как настоящего, так и будущего сквозь призму прошлого. Как показала недавняя дискуссия о феодализме, организованная Институтом всеобщей истории РАН и Ассамблеей медиевистов (1), мало кто из современных историков готов к отказу от «поиска обобщающих характеристик и генералдизирующих понятий».

Стремление к выработке структурно организованного инструментария в процессе реконструкции образов прошлого является доминирующей чертой значительной части зарубежных исследований в области археологии исторического знания. Особенно целенаправленно стремятся к универсализму терминологических систем те историки, которые специализируются в области социальной проблематики. Отмечая дробность и изменчивость объекта научной рефлексии, направленной на выявление конкретно-исторических форм социального общения, зарубежные авторы отнюдь не отрицают своеобразия и уникальности отношений между людьми прошлого, возникающих как по горизонтали, так и по вертикали. Тем не менее, в отдельных работах позитивистского характера прослеживается ярко выраженная тяга к поиску оптимальной меры равновесия между релятивизмом эмпирических данных и внутренней потребностью историка выразить свое «я» через формулировку научных выводов, смысл которых должен быть изложен в форме метарассказа языком общепринятых терминов.

Существенная особенность зарубежной исторической науки последних десятилетий заключается в осуществлении синтеза культуно-антропологической парадигмы с методами социологии и структурного анализа в целях более детального изучения тех принципов, на основании которых «люди относят друг друга или самих себя к определенных категориям в обществе или создают новые социальные группы». С другой стороны, часть западных авторов все же подчеркивает условность социальных дефиниций,

возникающую из-за их договорного характера и ограниченности рамками соответствующего идеологического дискурса.

Противоречивость методологического подхода, избранного современными историками по отношению к верификации терминов обобщающего характера применительно к социальным институтам прпошлого, хорошо прослеживается на примере работ, посвященных правовым аспектам функционирования сословного строя в Российской империи. На протяжении всего XX в. традиционный подход к исследованию истории российских сословий заключался для зарубежных ученых в использовании модели «закрепощения сословий» при характеристике юридического статуса как привилегированных, так и податных категорий населения. В соответствии с концепцией государственной школы крупнейшие представители англо-американской историографии 70-80-х гг. прошлого столетия выдвинули тезис о существовании законодательно оформленной системы зависимости всех сословий от верховной власти, знаковым отражением которой являлась жесткая служебная иерархия чинов и сословных званий, закрепленная в нормативных актах XVIII – первой половины XIX вв.

Классический образец позитивистской интерпретации сословной проблематики был предложен И. де Мадариагой еще в 80-е гг. XX в.(2) Опираясь на широкий комплекс опубликованных правовых актов и традиции российской историко-правовой науки досоветского периода, британская исследовательница сделала вывод о том, что в период становления имперской государственности каждый подданный «был привязан к определенному сообществу на основании наследственной обязанности служить какому-либо лицу или государству». В соответствии с выводами историков-государственников XIX в. о служилом характере взаимоотношений между самодержавной монархией и сословиями Мадариага объясняет причины личной зависимости каждого подданного от императорской власти нехваткой профессиональных чиновников в связи с «примитивностью административного аппарата, слабостью экономики и наличием устойчивой тенденции к государственному деспотизму.

В отличие от большинства своих западноевропейских и американских коллег Мадариага весьма скептически отнеслась к принципу «выслуги» дворянского звания по «Табели о рангах», не признав за практикой повышения сословного звания на

государственной службе значения более или менее надежного средства достижения социального равновесия. Неоднородный состав внутридворянской иерархии привел к отсутствию корпоративности в среде высшего сословия. Несходство представлений о сущности общедворянских интересов способствовало формированию двойных стандартов: «средний… дворянин привык считать, что его статус зависит… от служебного чина», а не от места в обществе, занятого по факту рождения. Аналогичным образом строилась политика государства по отношению и к другим социальным группам. Каждое сословие прикреплялось к определенному сектору экономики или государственной службы на основе законодательного принуждения, подкрепленного мерами административно-полицейского характера. Конечным результатом обозначенного процесса стало полное исчезновение принципа суверенитета личности по вертикали «государство – подданные».

В середине 1990-х гг. фундаментальный труд Мадериаги о екатерининской России был переведен на русский язык (3), получив высокую оценку ведущих отечественных специалистов по проблемам российского общества и государства XVIII в. Концепция «надсословной» монархии, выдвинутая британским историком, была воспринята как интеллектуальный прорыв, способный разрушить господство марксистской парадигмы, основанной на классовом подходе к социальным аспектам российского самодержавия. Тем не менее, терминологические дискуссии последних лет существенно снизили научный потенциал дискурса, основанного на вычленении привилегий и «породы» в качестве основных субъектов истории. Концепция «закрепощения сословий» стала вызывать неоднозначное отношение. К ней часто апеллируют как к теоретико-методологической конструкции, способной сыграть роль логической посылки к постановке ключевых проблем, связанных с выявлением природы сословного неравенства, одновременно упрекая государственную школу в схематизации антитезы «вольность – подданство». Сомнению подвергается и обоснованность использования термина «сословие» применительно к социальной структуре Российской империи в силу «прозрачности» границ между странами. Некоторые исследователи вполне обоснованно «вспомнили» об отсутствии в законодательстве имперской России формального закрепления института сословия. Например, в интерпретации Г.Л. Фриза указанный термин уже давно приобрел

новую смысловую окраску. Отмечая социокультурный характер стремления большинства людей к самоидентификации, ученый пришел к выводу о том, что в Российской империи представление о сословной корпоративности было связано с потребностью подчеркнуть свою принадлежность к определенной группе общества, сохранив при этом аксиологическое значение «категорий родства, занятий и правового статуса» (4).

Дискуссионные проблемы, связанные с переосмыслением традиционных методологических подходов к изучению сословного законодательства, нашли довольно полное отражение в монографии Э.К. Виртшафтер, посвященной исследованию феномена разночинцев в Российской империи (5). Автор полностью отказалась от бинарности мышления, свойственной сторонникам государственно-юридической школы, оценивая социальную организацию России XVIII – XIX вв. как слабо структурированный институт маргинального типа. Опираясь на ранее высказанные суждения М. Раева, К. Шмидта и Г.Л. Фриза о юридической неопределенности правового статуса большинства российских страт, исследовательница пришла к выводу о том, что законодатель намеренно сохранял широкие возможности для стихийной социальной мобильности, преодолеть которую было невозможно, учитывая пеструю стратификацию населения, упорядоченную лишь формально. Это обстоятельство способствовало возникновению многообразных вариантов самоидентификаций коллективного характера, направленных на поиск более детерминированного статуса на социальной лестнице.

Логическим продолжением интерпретации сословных проблем, предложенной Виртшафтер, стал выход на качественно новый уровень незавершенной дискуссии о степени самостоятельности российского самодержавия в разработке основных направлений законодательных инициатив в сфере социального регулирования.

Рассмотренные выше примеры теоретического конструирования сословной парадигмы лишь косвенно затронуты влиянием культурно-антропологического подхода. Нередко тенденция к выявлению индивидуального многообразия «таинственных незнакомцев», составляющих любую социальную страту, вытесняется стремлением разработать некую общую аналитическую модель, необходимую для понимания общественного механизма, в рамках которого отдельный человек мог проявить свою идентичность, соответствующую

правилам социальной игры, сформированным под влиянием множества объективных и субъективных факторов. Методологическая оправданность данного тезиса носит очевидный характер. «Ускользающая красота» фрагментов прошлого не утратит своей притягательности на фоне выработки общепринятых дефиниций, способных поддержать профессиональное общение ученых, без которого научное творчество обречено на преждевременное забвение. Прошлое по-прежнему будет хранить свою тайну, ибо даже самая изощренная игра человеческого ума не способна уловить непроницаемую грань, отделяющую современного человека от бытийственного пространства, воссоздание которого возможно только при условии взаимодействия исторической памяти с воображаемой реальностью, зависящей от степени научной эрудиции и таланта историка.

---

1. См., например: Бойцов М.А. Выживет ли Клио при глобализации? // Казус. 2005. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2006. С. 36-37; Уваров П.Ю. Феодализм в XXI веке // Одиссей. Человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 175-178; Герро А. Фьеф, феодальность, феодализм // Там же. С. 77-78.
2. Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. L., 1981.
3. Мадариага И. Де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
4. Freeze G.L. The Soslovie (Estate). Paradigm and Russian Social History // The American Historical Review. 91 (Febr. 1886). P. 19.
5. Виртшафтер Э.К. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 41-47, 56-58.

Сутырин Б.А., Беспалова Е.М.
(Екатеринбург)

Исторические взгляды поэта-декабриста К.Ф. Рылеева в новейших исследованиях и учебной литературе